

ПИСЬМА А. Н. МОДЗАЛЕВСКОГО к Б. Л. МОДЗАЛЕВСКОМУ

(Публикация Т. Г. Ивановой)

Одна из тем, которая волновала Б. Л. Модзалевского почти всю жизнь, — это научная биография его отца, Льва Николаевича Модзалевского. Л. Н. Модзалевский (1837—1896) был незаурядной личностью, видным деятелем на педагогическом поприще, последователем идей К. Д. Ушинского, автором многих печатных трудов. Биография Л. Н. Модзалевского в общих чертах хорошо известна историкам педагогики.¹

Отец Л. Н. Модзалевского, Николай Львович (1797—1870), происходивший из бедной дворянской семьи, службу начал рядовым в июне 1812 г., участвовал в русско-турецкой войне 1828—1829 гг., в отставку вышел штабс-капитаном в 1831 г. и поселился в сельце Гари (Ивановское тож) Гдовского уезда Петербургской губернии — в имении своей жены Ольги Кузьминичны Кудряевой. Гари и стало родовым гнездом следующих поколений Модзалевских. В 1894 г., уже зрелым человеком, Л. Н. Модзалевский напишет стихи «Моя родина», посвященные родным местам:

Родные нам Гари не пышны, малы,
Но нашему сердцу так близки, милы!
Тенистые рощи, журчанье ручьев,
И нив переливы, и трель соловьев —
Все с детства знакомо, все дорого нам...²

В семилетнем возрасте Л. Н. Модзалевский покидает имение своих родителей. Понимание того, что сыну надо дать хорошее образование, заставляет отца отправить его в Петербург в семью Василия Кузьмича Кудряева (брат матери Л. Н. Модзалевского). Сначала мальчик учится в частном пансионе, а потом в знаменитой в то время 3-ей Петербургской гимназии.³ В 1855 г. он поступил на филологический факультет Петербургского университета. Здесь Л. Н. Модзалевский, человек активный, с ярко выраженной общественной жилкой, к тому же поощряемый временем (эпоха подготовки к реформам Александра II), принимал деятельное участие в студенческой жизни. Проявил он склонность и к научной работе, состоя в студенческом кружке филологов, во главе которого был профессор М. И. Сухомлинов. В кружок входили будущие академик Л. Н. Майков, критик Д. И. Писарев и др. После окончания университета (1859 г.) Л. Н. Модзалевский, увлекшийся педагогикой, стал слушателем двухгодичных педагогических курсов при университете. Одновременно началась его педагогическая деятельность в родной 3-ей Петербургской гимназии. В 1861 г. по конкурсу он получил место в Смольном институте, где познакомился с К. Д. Ушинским, служив-

шим в то время там инспектором. В 1862 г. молодой учитель от Министерства народного просвещения был направлен в двухгодичную заграничную командировку для специализации в области педагогики. Возвратившись в 1864 г. в Петербург, Л. Н. Модзалевский продолжил преподавание в различных учебных заведениях (3-я Петербургская гимназия, Педагогические курсы при 2-ой военной гимназии, Педагогические курсы при Андреевском училище, Смольный институт, Мариинский институт) и одновременно начал сотрудничать с газетами и журналами, публикуя там статьи по педагогическим проблемам. Летом 1867 г. он принял предложение занять место наставника детей Кавказского наместника великого князя Михаила Николаевича, в связи с чем переехал в Тифлис. На Кавказе Л. Н. Модзалевский не прекращал широкой педагогической деятельности, продолжал печататься в местных газетах, а в 1877 г. стал инспектором Кавказского учебного округа. В 1880 г. он занял должность председателя Кавказского цензурного комитета, но уже в 1883 г. Л. Н. Модзалевский, подвергнувшийся как цензор критике и справа и слева, подал в отставку и поселился на несколько лет в Гарях. В 1889 г. он вернулся на службу, заняв в Петербурге место инспектора Мариинского женского института. В 1895 г. Л. Н. Модзалевский был назначен директором Петербургского училища глухонемых. Скончался он скоропостижно 12 мая 1896 г.

В 1896 г. Борису Львовичу Модзалевскому было 22 года. Собираение материалов для научной биографии своего отца стало, таким образом, одной из первых тем в его собственной научной биографии. В 1897 г. в журнале «Русская школа» публикуется автобиография Л. Н. Модзалевского, написанная им в конце 1860-х гг. Имя публикатора в журнале не указывается. Однако можно почти с полной уверенностью утверждать, что Б. Л. Модзалевский был причастен к этой публикации.⁴ Скорее всего и статья Д. Д. Семенова, в которой даются многочисленные цитаты из записок Л. Н. Модзалевского и его писем к жене, также писалась при непосредственной помощи Б. Л. Модзалевского.⁵

Через два года, в 1899 г., он опять обратился к педагогическому наследию своего отца. Б. Л. Модзалевский печатает вторую часть третьего издания «Очерка истории воспитания и обучения с древнейших до наших времен» Л. Н. Модзалевского (первая часть вышла в свет при жизни самого автора еще в 1892 г.). Как издатель, он поместил в этой части написанные его отцом главы по истории русской педагогики, которых не было в первом и втором изданиях «Очерка» («Екатерининская эпоха. И. И. Бецкий» и «Владимир Яковлевич Стоюнин»), а также дополнил книгу публиковавшейся ранее работой Л. Н. Модзалевского «Ход учебного дела в бывшем Кавказском наместничестве с 1802 по 1880 гг.». Здесь же перепечатаны воспоминания Л. Н. Модзалевского «Из педагогической автобиографии».

Затем в работе Бориса Модзалевского над научной биографией его отца наступает некоторая пауза. Лишь в 1914 г. Б. Л. Модзалевский издал материалы «К биографии В. Г. Варенцова», имеющие непосредственное отношение к его отцу: это публикация писем Виктора Гавриловича Варенцова, одного из последователей идей К. Д. Ушинского в педагогике, к Л. Н. Модзалевскому.⁶ К 1916 г. относится еще одна публикация, свидетельствующая о том, что наследие отца продолжало волновать Б. Л. Модзалевского: он издает небольшой сборник стихов Льва Николаевича.⁷

В 1917 г. появляется еще одна, очень важная, публикация из бумаг Л. Н. Модзалевского: его речи на студенческих сходках в 1857—1859 гг.; документы, касающиеся издания «Студенческого сборника» и рукописных журналов того времени; материалы по созданию студенческой кассы взаимопомощи и др.⁸

В следующем, 1918 г., Б. Л. Модзалевский продолжает публиковать материалы из архива отца. Один из документов, который он вводит в научный оборот, — письмо 1845 г. известного педагога С. Н. Смарагдова к неустановленному лицу по поводу во-

зобновления «Педагогического журнала», обнаруженное Б. Л. Модзалевским в бумагах отца и бывшее, видимо, одним из собранных Л. Н. Модзалевским документов по истории русской педагогики. Второй документ, публикуемый Б. Л. Модзалевским, — докладная записка 1866 г. самого Л. Н. Модзалевского на имя министра народного просвещения и обер-прокурора Святейшего Синода Д. А. Толстого с проектом издания газеты «Народная школа». Издание не состоялось, но сам факт попытки основать такую газету вносит еще один штрих в биографию Л. Н. Модзалевского.⁹

В архивном фонде Модзалевских в Рукописном отделе Пушкинского Дома сохранились и другие документы, свидетельствующие о работе Б. Л. Модзалевского над биографией своего отца, в частности, эта тема звучит в письмах Александра Николаевича Модзалевского, дяди Бориса Львовича, в которых тот по просьбе племянника делится воспоминаниями о своем покойном брате. Об А. Н. Модзалевском, в отличие от его известного брата-педагога, сохранилось немного сведений. Из копии метрического свидетельства о его рождении, находящейся в фонде Модзалевских, явствует, что Александр Николаевич Модзалевский родился 21 февраля 1849 г. и крещен был в Быстреевской Николаевской церкви Гдовского уезда Петербургской губернии. Как следует из публикуемых ниже писем, в его воспитании принимал участие Л. Н. Модзалевский, который был на двенадцать лет старше своего брата. До 5-го класса А. Н. Модзалевский учился в той же, что и Лев Николаевич, 3-ей Петербургской гимназии, которую не закончил. В дальнейшем он скорее всего жил в Гарях. Известно, что в 1884—1885 гг. он служил помощником секретаря Гдовского мирового съезда. От природы А. Н. Модзалевский был робок, застенчив и неловок и, в отличие от своего брата, очень религиозен. В 1885 г. он удалился на Афон в русский монастырь св. Пантелеймона.

Пантелеймоновский монастырь был одним из духовных центров русской православной церкви. Основанная, по-видимому, греками, в XII в. эта обитель была передана русской церкви. Таким образом, это был первый монастырь, уступленный на Афоне греками русским. Обитель знала времена благополучия и запустения. После 1770-х гг. монастырь св. Пантелеймона заглох, но в начале XIX в. опять возродился. Правда, по сведениям энциклопедического словаря Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, в 1850 г. большинство насельников здесь были греки, а русские монахи составляли лишь четвертую часть от братии в 200 человек. Положение коренным образом изменилось при архимандрите Макарии: к концу XIX в. соотношение греков и русских составляло 1 к 10. Благодаря широкой строительной деятельности Макария Пантелеймонов монастырь стал самым благоустроенным из 20 крупнейших обителей Афона и одновременно самым строгим по своему уставу.¹⁰ Все это, а главное, высокий духовный авторитет, который имел архимандрит Макарий, по-видимому, и побудило А. Н. Модзалевского выбрать именно эту обитель. Пробыв недолгое время послушником, он 6 августа 1886 г. постригся в монахи под именем Анастасий, а затем 14 апреля 1896 г. был произведен в иеромонахи (монах со священническим саном). В 1900 или 1901 гг. А. Н. Модзалевский впервые после удаления на Афон посетил Россию. В 1910 г. он принял схиму. Нам известно, что в 1911 г. иеромонах Анастасий был жив, о чем свидетельствует его письмо к Б. Л. Модзалевскому от 16 августа 1911 г. К сожалению, сведениями о жизни А. Н. Модзалевского после этого года мы не располагаем.¹¹

Как и его братья Лев Николаевич и Константин Николаевич, А. Н. Модзалевский оказался не чужд вопросам педагогики: его перу принадлежит книга «Духовно-нравственная педагогика, или советы родителям и наставникам, как воспитывать в детях нравственность и благочестие».¹² Работа эта написана вполне в духе официальной христианской морали. Основной акцент автор делает на предостережение родителей и юношества в связи с увлечением общества идеями социализма и лозунгом «сво-

бода, равенство, братство». Не исключено, что книга писалась иеромонахом Анастасием не без внутренней полемики со своим покойным братом-педагогом. Причину педагогических неудач в богатых образованных семьях А. Н. Модзалевский видит в недостатке, а иногда и в полном отсутствии религиозного воспитания. «Родители таких детей, — писал автор, — прилагают старания о их внешнем воспитании, всю надежду возлагают только на одни учебные руководства и учителей, но забывают самое главное: обратиться за помощью к Господу».¹³

Удаление А. Н. Модзалевского в монастырь не одобрялось его семьей и старшим братом Львом Николаевичем, с которым у него не было духовной близости. В 1885 г., когда Александр Николаевич уехал на Афон, его племяннику, Борису Львовичу, было всего одиннадцать лет. Однако несмотря на это, дядя, по всей видимости, испытывал к нему особое расположение. Во всяком случае именно Борису Модзалевскому он считает необходимым дать в письме пространное описание Афона (письмо по содержанию мы датировем концом сентября—началом октября 1885 г.): «Милый и дорогой мой Бусянька (...) Вот уже 4 месяца как я уехал из Гарей, и увидимся ли — неизвестно. Вот та Гора и монастырь (письмо написано на писчей бумаге с изображением Афонской горы. — *Т. И.*), где я теперь, пока, Слава Богу, — хорошо, а что будет далее, то неизвестно. Теперь я уже хожу во всем черном — длинном подряснике и черной рясе и черной же шапке, и имею отдельную келию (комнату). Вот этот монастырь самый богатый из русских на Афоне, в нем только в одной ограде 21 церковь, а всех в разных его местах будет до 55 церквей. Гора Св. Афон будет не ниже Казбека и разница только та, что Казбек стоит на земле и на возвышенности, а эта поднимается прямо с моря, около вершины в ущельях тоже лежит снег, дорожки тут круты, и узки, и трудны — только и можно ехать верхом на муле, да и то не везде, а уж в экипаже и думать нечего, есть такие страшные пропасти, в которых растут никогда неувядающие цветки Св. Богородицы, их собирают и продают бедные монахи-пустынники с опасностью жизни». Делает А. Н. Модзалевский и нравственные наставления своему племяннику: «Посылаю тебе, голубчик, интересный листок о милостыни, прими его и исполняй, что написано. Заходи по-прежнему в собор и, если у тебя есть деньги, то постарайся уделить хотя 2 коп. или 1 коп. для нищего, а особенно для слепого, или хромого».

По-видимому, переписка между отцом Анастасием и Борисом Модзалевским, несмотря на разницу в возрасте корреспондентов, носила довольно регулярный характер. Судя по тону сохранившегося письма Б. Л. Модзалевского от 4 января 1890 г., мальчику было привычно делиться с дядей незамысловатыми мелочами своей жизни: «Дорогой дядя Саша! Пользуюсь случаем поздравить тебя с Новым годом и пожелать тебе всего хорошего, а также здоровья, чтобы иметь силу продолжать твой подвиг. Я с 22 декабря на Рождественских каникулах, а послезавтра уже надо идти в гимназию. Папа ездил в Гари проводить хозяйство, и кажется, нашел все в исправности. Мы были приглашены на елку в Институт (имеется в виду Марининский женский институт, где Л. Н. Модзалевский служил в это время инспектором. — *Т. И.*), где всем младшим сделали подарки, кроме меня, потому что я был приглашен как танцор, но я танцевать не люблю, и танцевал мало».

В начале XX в., задумав написать научную биографию своего отца, Б. Л. Модзалевский обратился ко многим людям из его окружения за различными сведениями. Естественно, что в этот круг был включен и А. Н. Модзалевский, родной брат Льва Николаевича. Ниже публикуются два письма 1904 г. А. Н. Модзалевского (иеромонаха Анастасия) к Б. Л. Модзалевскому, содержащие сведения об отце последнего. Ко второму письму А. Н. Модзалевский приложил два разновременно написанных текста воспоминаний о брате. Названные документы публикуются полностью, без сокращений, с сохранением всех особенностей стиля их автора. Редакторская правка коснулась

лишь орфографии и пунктуации, а также разбивки текста на абзацы. Укажем также, что в фонде Модзалевских сохранились и другие письма иеромонаха Анастасия к Б. Л. Модзалевскому: от 29 марта 1898 г., от 1 мая 1902 г., от 21 июля 1903 г. и от 16 августа 1911 г., не включенные в данную публикацию.

¹ См.: *Зикеев Н. В.* Жизнь и педагогические взгляды Л. Н. Модзалевского // Учен. зап. Моск. обл. пед. ин-та. 1957. Т. 50. Тр. каф. педагогики. Вып. 4. С. 315—367; *Зикеев Н. В.* Л. Н. Модзалевский // Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. Вторая половина XIX в. М., 1976. С. 320—323; *Михайлова М. Л. Н. Модзалевский (1837—1896)* // Советская педагогика. 1987. № 10. С. 112—115.

² *Модзалевский Л. Н.* Для детей. Стишки. Пг., 1916. С. 25.

³ О третьей петербургской гимназии см.: За сто лет. Воспоминания, статьи и материалы / Петербургская 6(ывшая) третья гимназия, ныне 13-я советская трудовая школа. Пг., 1923.

⁴ См.: *Модзалевский Л. Н.* Из педагогической автобиографии // Русская школа. 1897. № 3. С. 15—29; № 4. С. 38—61.

⁵ *Семенов Д. Д.* Влияние школы и среды на развитие природного таланта. По поводу смерти Льва Николаевича Модзалевского (По личным наблюдениям и воспоминаниям) // Вестник воспитания. 1897. № 2. С. 172—188.

⁶ См.: *Модзалевский Б. Л.* К биографии В. Г. Варенцова // Русская старина. 1914. № 2. С. 445—451. В архивном фонде Модзалевских, находящемся в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, сохранилась часть из писем В. Г. Варенцова, опубликованных в свое время Б. Л. Модзалевским.

⁷ *Модзалевский Л. Н.* Для детей. Стишки. Пг., 1916.

⁸ К истории Петербургского университета. 1857—1859 (Из бумаг Л. Н. Модзалевского) / Публикация Б. Л. Модзалевского // Голос минувшего. 1917. № 1. С. 135—170.

⁹ *Модзалевский Б. Л.* К истории педагогической журналистики (Три несостоявшиеся издания) // Литературно-библиологический сборник. Пг., 1918. С. 119—130 (Труды Комиссии Русского библиологического общества по описанию журналов XIX века; Вып. 1).

¹⁰ См.: *Афон* // Энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. СПб., 1891. Т. 2-а, кн. 4. С. 579—580; *Павловский А. А.* Всеобщий иллюстрированный путеводитель по монастырям и святым местам Российской империи и Афону. Нижний Новгород, 1907. С. 21—24.

¹¹ Наиболее полные сведения о А. Н. Модзалевском см.: *Модзалевский В. Л.* Малороссийский родословник. Киев, 1912. Т. 3. С. 813.

¹² См.: *А., иеромонах.* Духовно-нравственная педагогика, или советы родителям и наставникам, как воспитывать в детях нравственность и благочестие. М., 1902.

¹³ Там же. С. 11.

Письмо 1

20 марта (2 апреля) 1904 г. Афон

Добрейший племянник Борис Львович.

Еще раз поздравляю тебя и семейство твое с Великим Святым праздником. Где-то только его ты проведешь и встретишь, и благополучно ли? Вероятно, посетишь и Гари. Газетки «Свет»¹ и «С(анкт)-Петербург»² я получаю исправно, и спасибо, что так сделал, ибо прежде я получал по заграничному адресу в 2 недели раз, а нынче получаю каждую неделю, а сведения теперь очень интересные.

У нас здесь в Турции пока обстоит все благополучно, неизвестно что будет после Пасхи. Вадиму³ я написал поздравление, а так как у нас недавно уехал в Киев на родину один наш послушник, то я еще послал ему немного четок, ложек и цветков. Вот только в Одессе при въезде в Россию таможня стесняет. Мы все получаем сюда из России легко, но отсюда здешнее в России получается туго, ибо имеем льготу для монастыря получать беспошлинно, да и вообще с турками легко поладить.

Жаль, если тебе не удастся составить папину биографию. Я еще могу добавить, а именно: что так в 1857, 58 и 59 г. в числе прочих и покойный ваш папа увлекался лекциями Костомарова⁴ и Погодина,⁵ и, бывало, как сойдутся его товарищи студенты или кандидаты, то только и разговору, что про университетские лекции. Еще увлекался он стихотворениями Некрасова, Крылова, Никитина, Кольцова и другими и часто декламировал их. Любил также сочинения Гоголя и много оттуда мест знал наизусть. Бывали у него, конечно секретно, сочинения Рылеева и Искандера, я помню, что портреты Искандера и Огарева он даже и продавал по знакомству. Помню, что получали и газету «Колокол».⁶

Когда я приехал в Петербург, он жил в товариществе с Платон(ом) Константинович(ем) Стефановичем⁷ и неким Турминским,⁸ бывшим после переводчиком у пленного Шамиля⁹ (жили на Екатерининском, близ Садовой, дом Лея), а после жил с 2-мя братьями Пятковскими Александром и Павлом Петровичами,¹⁰ был еще у него еще <так!> по квартире товарищ — Брагин, теперь не помню уже где он?

Жил тогда папа уроками,¹¹ зарабатывал сначала рублей 50 в месяц, и это были большие деньги, квартира в товариществе обходилась недорого с мебелью и отоплением, а обеды приносили от некоей готовившей частно Анны Карловны Фрей. Средняя мещанская — 20 коп. за обед на одного, всегда 3 перемены. Покойный Виктор Александров(ич) Максимов¹² был тогда уже приятелем с папою, но жил отдельно, где-то в захолустье. Кроме того ходили еще к папе некие кандидаты и студенты последнего курса: кн. Енгальчев, Левенталь, Распопов,¹³ Ильминский, Корнеев, Шаховской, Соковнин¹⁴ и другие, фамилий которых уже не помню, да и куда эти девались, тоже не знаю. В собраниях читали авторов Некрасова и Гоголя, пели студенческие песни, и папа вообще знал массу разных песен, но никогда не было кутежа или картежной игры, один Ильминский бывал только иногда слабават.

В Гари папа всегда ездил на Пасху или на Рождество, а на лето где-нибудь доставал уроки. С дамами полусвета, я тоже не помню, чтобы у него было знакомство, только как к нему, так и к Пятковским приходила какая-то одна барыня, да и то редко. Все товарищи его любили, кроме кн. Енгальчева, а Распопов стал уже в неприятном соперничестве из-за Елены Эллиот.¹⁵

В 1860 г. папа снял уже семейную квартиру на углу Знаменской и Спасского переулка в доме Алонкиной и привез из Гарь покойную нашу мать. Я тогда еще ходил в пансион, а потом поступил в гимназию приходящим, и это было сделано более для меня. Тогда еще было крепостное право и покойный отец много иногда присылал

нам всякой провизии. Жил тогда у нас лакей старик, поляк, бывший улан Лаврентий Жучкевич, который влиял на папу как хитрый поляк и ласковый на словах, и папа так был ему вверившись, что ни друзья его, ни покойная мать не могли разубедить папу, пока наконец сам не увидел немилосердного себя обирания, ибо папа все ему доверял и оставлял деньги без счета на столе и в карманах. Даже и покойная мать побаивалась этого поляка и потихоньку пронесила дрова к себе в спальню, а тогда папа учил уже в Смольном институте¹⁶ да и еще имел уроки и получал порядочно, а содержание еще не было так дорого.

Потом, не прожив, кажется, полного года на этой квартире, он послан был с прочими на казенный счет за границу для специальных курсов по педагогике. Помню, что смолянки его просто боготворили, и перед отъездом надавали ему массу своих фотографических карточек, мячиков, вышивок и еще 2 из них нарисовали акварелью 2 картины (они, кажется, и теперь висят в Гарях). Нравилась и ему одна воспитанница по фамилии Ладыженская и он уже подумывал на ней жениться. Начальница благородной половины Леонтьева¹⁷ тоже очень благоволила к нему, так что прощание было трогательное, уезжал он на 2 года, но после пришлось прибавить еще немного. Карточки эти, вероятно, и теперь у него в альбоме целы.

Тогда он учил и в нескольких мужских заведениях. Каждый вечер он куда-нибудь уезжал: или на заседание, или на собрание, или просто неизвестно, как в будни, так и в праздники, а будить его к заказанному часу было очень трудно, ибо засыпал крепко. Бывало мать употребляла все хитрости, так что он и встанет, и начнет будто одеваться, но как мать вон, опять заснул, а потом начинает досадовать, что опоздал. Еще была у него знакомая, как видно состоятельная, немка — девица Минна Егоровна Нейнеберг, к которой он нередко ездил обедать и меня возил. К этой же немке всегда приходили обедать и братья Борис и Юлий Егоровичи.

Уехав в Германию, он поселился сначала в Гейдельберге, а потом в Иене,¹⁸ где и ознакомился со студенческим бытом и по возвращении написал книжку «Быт студентов в Германии»,¹⁹ там же он хорошо познакомился с покойным педагогом Константином Ушинским, который был в его время инспектором в Смольном и в 1865 г. издал руководства «Родное слово»²⁰ и «Детский мир».²¹ Помню, что папа писал оттуда, что житье ему хорошо, содержание было дешево, и он иногда ездил в Швейцарию и во Францию. Конечно, для родителей наших эти 2 года протянулись долго, и когда он возвратился, то с матерью сделалось от радости что-то вроде истерики.

Тогда уже совершилось окончательное освобождение от крепостной зависимости. Возвратился же он в начале августа 1865 или 1866 г.²² Надобно было опять в Петербурге доставать место, опять взял уроки в Смольном, Мариинском,²³ во 2-ой военной гимназии,²⁴ в Андреевском училище для подготовки учителей²⁵ и других местах, и опять снял семейную квартиру и привез мать. Но тогда, еще будучи мальчиком, слышал я в разговоре у его товарищей, что он уже по манерам стал не тот, как прежде, и не пленял институток и дамский пол.

Ну вот тебе еще кое-что из биографии, а после еще припомню, а пока будьте все здоровы, целую твоих крепко и пребываю твой

И(еромонах) Анастасий.

20 марта 1904.

Письмо содержит несколько приписок корреспондента:

наверху на л. 1: «Сообщи адрес квартиры твой и вашей мамы. Еще если будешь в Гарях, передай мой поклон всем, кто вспомнит обо мне, также и Петру Силланаруску».

внизу на л. 2: «К этому периоду к месяцам январю, февралю и марту относится временное умопомешательство Максимова Викт(ора) Александр(овича), в коем он месяца 2 пребывал у папы, его я опишу после, если хочешь».

наверху на л. 2 об.: «Поздравляю вашу маму и твою дочку с приближающимся днем ангела 23 апреля.²⁶ Когда именины твоего сына-первенца?»²⁷

На конверте адрес: «С.-Петербург, Васильевский остров, Императорская Академия Наук, Канцелярия конференции. Его Высокоблагородию Борису Львовичу Модзалевскому». Внизу помета: «Нужное». На обороте конверта штемпель: «Русский монастырь святого великомученика Пантелеймона на св. Афоне».

Письмо написано на писчей бумаге, выпущенной специально к празднику Пасхи — с рисунком, изображающим вознесение Христа и с надписью: «Хвалите небеса Божию славу. Христос воскрес. Благословенной земле радость велию».

¹ «Свет» — газета политическая, экономическая и литературная. Издавалась с 1882 по 1917 г. Редактор-издатель: В. В. Комаров.

² «Санкт-Петербург» — газета-журнал. Издавалась с 1894 по 1901 г. под данным заглавием, затем название изменилось: «Всеобщая маленькая газета Санкт-Петербург» (1902—1915). Редактор-издатель: А. Н. Молчанов.

³ *Модзалевский Вадим Львович* (1880—1921) — брат Б. Л. Модзалевского, то есть племянник иеромонаха Анастасия. Видный специалист в области генеалогии. В начале XX в. жил в Киеве. См. о нем: *Томозов В. В.* К юбилею В. Л. Модзалевского // *Известия русского генеалогического общества*. СПб., 1995. Вып. 4. С. 44—51; *Краско А. В.* Первые генеалогические чтения памяти Вадима Львовича Модзалевского // Там же. С. 110—113; *Коваленко А. Б.* В. Л. Модзалевский как историк и источниковед: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1979.

⁴ *Костомаров Николай Иванович* (1817—1885) — историк, этнограф, писатель. В 1859—1862 гг. — профессор Петербургского университета.

⁵ *Погодин Михаил Петрович* (1800—1875) — историк, журналист, писатель. Профессор Московского университета (1826—1844). Л. Н. Модзалевский не мог слушать учебных лекций М. П. Погодина. Упоминание в письме имени Погодина в контексте с Костомаровым, возможно, вызвано имевшим большой резонанс публичным диспутом 1860 г. между этими двумя историками.

⁶ «Колокол» — бесцензурная русская газета, издававшаяся А. И. Герценом (Искандером) и Н. П. Огаревым в Лондоне с 1857 по 1867 г. Всего вышло 245 номеров. В 1859—1861 гг. тираж достигал 2000—2500 экземпляров. Газета имела широкое хождение среди демократически настроенных слоев интеллигенции России.

⁷ Платон Константинович Стефанович был, по-видимому, не только товарищем Л. Н. Модзалевского по университету, но и земляком. В фонде Модзалевских находятся письма П. К. Стефановича к Л. Н. Модзалевскому (1862—1894 гг.), которые свидетельствуют, что он также служил на педагогическом поприще, учительствовал в Белой Церкви и Варшаве. В середине 1880-х гг. П. К. Стефанович был предводителем дворянства в Гдовском уезде и участвовал в хлопотах Л. Н. Модзалевского по устройству

подраставших сыновей в петербургские учебные заведения. О П. К. Стефановиче как о способном преподавателе естественных дисциплин упоминает в своих воспоминаниях директор Белоцерковской гимназии М. Чалый. См.: *Чалый М.* Белоцерковская гимназия (1862—1869) // Киевская старина. 1900. № 11. С. 243.

⁸ В фонде Модзалевских находится письмо Турминского от 31 декабря 1879 г., свидетельствующее, что тот также служил на ниве образования.

⁹ *Шамиль (1797—1871)* — глава горцев Дагестана и Чечни в их борьбе против русского владычества на Северном Кавказе. Военные действия против русских войск возглавлял в течение 1834—1859 гг. В 1859 г. был пленен; местом жительства для Шамиля была определена Калуга. В 1870 г. отпущен на жительство в Мекку, где и скончался в марте 1871 г. В воспоминаниях полковника П. Г. Пржецлавского, который с 1862 по 1865 гг. состоял при Шамиле в Калуге, упоминается имя переводчика Турминского. См.: *Пржецлавский П. Г.* Шамиль и его семья в Калуге // Русская старина. 1877. № 11. С. 487—488.

¹⁰ Один из двух братьев Пятковских, Александр Петрович (1840—1904), впоследствии стал видным общественным деятелем. По окончании юридического факультета Петербургского университета он, как и Л. Н. Модзалевский, учился в Маринском женском институте (1862—1874). С 1878 г. А. П. Пятковский — редактор журнала «Народная школа», а с 1882 г. — журнала «Наблюдатель». Одновременно он стал известен своей общественно-филантропической деятельностью в области попечения над тюрьмами, в частности, им был устроен приют для детей, чьи родители оказались в заключении. О А. П. Пятковском см.: А. П. Пятковский // Наблюдатель. 1899. № 8. С. 334—337. См. также его воспоминания: *Пятковский А. П.* Из моего прошлого (Литературные и общественные воспоминания) // Наблюдатель. 1899. № 3. С. 324—338; № 4. С. 338—351; № 6. С. 300—316.

¹¹ Будучи студентом, Л. Н. Модзалевский, как и многие его товарищи, зарабатывал на жизнь частными уроками. Среди его учеников, как следует из его автобиографии, были будущие поэт граф Арсений Аркадьевич Голенищев-Кутузов (1848—1913) и генерал Михаил Дмитриевич Скобелев (1843—1882), отличившийся в Русско-турецкой войне 1877—1878 гг.

¹² *Максимов Виктор Александрович* — ориенталист. В 1859 г. он закончил факультет восточных языков со степенью кандидата, после чего на три года был направлен Министерством народного просвещения в Турцию для совершенствования в языке. Возвратившись в Петербург, он в 1863 г. защитил диссертацию. В 1867 г. получил место приват-доцента в Петербургском университете, но тогда же по линии Министерства иностранных дел был направлен в Константинополь. См.: *Григорьев В. В.* Императорский С.-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования. Историческая записка. СПб., 1870. С. 329, 385, LIV.

¹³ Расповов Павел Николаевич, как и Л. Н. Модзалевский, был выпускником 3-ей Петербургской гимназии. После окончания университета в 1861 г. он также избрал для себя педагогическое поприще. В 1880-х гг. П. Н. Расповов являлся директором народных училищ в Оренбургской губернии. О конфликте, происшедшем между Л. Н. Модзалевским и П. Н. Распововым, иеромонах Анастасий подробнее рассказывает в первом приложении к письму № 2. См. о П. Н. Расповове: *Модзалевский Л. Н.* Из педагогической автобиографии // Русская школа. 1897. № 3. С. 20. В фонде Модзалевских сохранились письма П. Н. Расповова к Л. Н. Модзалевскому.

¹⁴ Соковнин также избрал для себя педагогическое поприще. Он был основателем первого в России (в Красноуфимске) реального училища с земледельческим отделом, а также учредителем магазина «Сотрудник школ». См.: *Модзалевский Л. Н.* Из педагогической автобиографии // Русская школа. 1897. № 3. С. 23.

¹⁵ В фонде Модзалевских находится письмо от 6 июня 1884 г., подписанное «Е. Эллиот». Возможно, что автор этого письма и Елена Эллиот — одно и то же лицо.

¹⁶ В августе 1861 г. Л. Н. Модзалевский по конкурсу получил место учителя русского языка и словесности в Смольном институте. Здесь он познакомился с К. Д. Ушинским, который служил в то время там инспектором и пытался проводить кардинальные реформы в образовании смолян. См.: *Модзалевский Л. Н.* Из педагогической автобиографии // Русская школа. 1897. № 3. С. 29. Одна из смольянок, учившаяся в институте во времена реформ, проводимых там К. Д. Ушинским, вспоминает и молодого учителя словесности Л. Н. Модзалевского: «Новая заря всюду занялась! Началось разумное, интересное преподавание, полное жизни. Разбудили нашу душу. Новое направление учебного дела особенно отразилось на родной словесности и литературе. Уроки Льва Николаевича Модзалевского, молодого талантливого преподавателя, волновали всех. Идеалы 60-х годов увлекали молодые головы; в классах при-

ходилось сравнительно немного читать, но помимо класса шло усердное чтение, обыкновенно вслух, целым обществом, о прочитанном спорили, восхищаясь» (см.: *Черепнин Н. П.* Императорское Воспитательное общество благородных девиц. Исторический очерк. Пг., 1915. Т. 2. С. 314). З. Е. Мординова также подтверждает популярность Л. Н. Модзалевского среди смолянок и рассказывает, что тот часто по вечерам приезжал в институт и читал воспитанницам произведения Пушкина, Островского и других классиков русской литературы (см.: *Мординова З. Е.* Статс-дама Мария Павловна Леонтьева, начальница Воспитательного общества благородных девиц. Биографический очерк. СПб., 1902. С. 198).

¹⁷ *Леонтьева Мария Павловна* (1791—1874) — статс-дама, в 1838—1874 гг. начальница Смольного института. В мемуарной литературе ее облик рисуется весьма противоречиво. Под пером З. Е. Мординовой, официального биографа М. П. Леонтьевой, М. П. Леонтьева предстает как заботливая, мудрая наставница воспитанниц (см.: *Мординова З. Е.* Статс-дама Мария Павловна Леонтьева, начальница Воспитательного общества благородных девиц. Биографический очерк. СПб., 1902). Е. Н. Водовозова, смолянка, в своих воспоминаниях рисует образ холодной, высокомерной, жестокой и властолюбивой женщины, не любимой воспитанницами (см.: *Водовозова Е. Н.* На заре жизни / Подгот. текста, вступ. статья и примеч. Э. С. Виленской и Л. И. Ройтберг. М., 1964. Т. 1. С. 367—560). М. П. Леонтьева сыграла решающую роль в изгнании К. Д. Ушинского из Смольного института. В 1862 г. он вынужден был подать в отставку с поста инспектора института.

¹⁸ В 1862 г. Л. Н. Модзалевскому была предоставлена двухгодичная командировка за границу для ознакомления с постановкой там педагогического дела и для подготовки к профессорскому званию. Он провел несколько месяцев в Гейдельберге, а затем переехал в Иен, где слушал лекции известного педагога профессора Ф. Стоя. Возвратился в Петербург Л. Н. Модзалевский в мае 1864 г.

¹⁹ См.: *Модзалевский Л. Н.* Быт студентов в Германии. СПб., 1865.

²⁰ Над книгой «Родное слово», своеобразной энциклопедией для детей, К. Д. Ушинский работал, будучи в заграничной командировке. Первое издание вышло в свет в 1864 г. и было рассчитано для семейного чтения, однако неожиданно «Родное слово» получило огромную популярность и превратилось в учебную книгу, имевшую до революции множество изданий. Л. Н. Модзалевский принимал в создании книги самое непосредственное участие, в частности, для «Родного слова» он написал и перевел с немецкого несколько стихотворений: «В мае», «В октябре», «Борзый конь», «Пойманная птичка» (1-ый год обучения), «Кончил дело — гуляй смело», «Мотылек», «Рыбка», «Вечерняя заря весною», «Ожидание весны», «Летом» (2-й год). Одно из стихотворений Л. Н. Модзалевского («Дети, в школу собирайтесь...») стало настоящим хрестоматийным. Анализ поэтического творчества Л. Н. Модзалевского см.: *Зикеев Н. В.* Жизнь и педагогические взгляды Л. Н. Модзалевского; *Безак В.* Память хрестоматий // В мире книг. 1974. № 6. С. 91—92. Л. Н. Модзалевский участвовал также в чтении корректуры одного из изданий «Родного слова», о чем свидетельствует письмо к нему К. Д. Ушинского из Веве от 21 мая 1866 г.: «Весьма благодарен Вам, многоуважаемый Л. Н., за пересмотр корректуры „Родного слова“, этот пересмотр меня очень затруднял, да и Вам, без сомнения, при Ваших многочисленных занятиях, был нелегок» (см.: [Модзалевский Л. Н.]. К биографии К. Д. Ушинского (выдержки из его частной переписки) // Русская школа. 1893. № 7/8. С. 78). В 1868 г. Л. Н. Модзалевский предложил для очередного нового издания «Родного слова» ноты. Предложение было с интересом воспринято К. Д. Ушинским, но к сожалению, оказалось нереализованным из-за его кончины, последовавшей в 1870 г.

²¹ Учебная книга К. Д. Ушинского «Детский мир» с 1861 по 1916 г. выдержала 47 изданий.

²² Ошибка памяти иеромонаха Анастасия. Л. Н. Модзалевский из заграничной командировки вернулся в мае 1864 г. Через год, летом 1865 г., он был отправлен в краткосрочную командировку в Германию для участия в работе учительского съезда в Лейпциге.

²³ Маринский институт был основан в 1797 г. императрицей Марией Федоровной, женой Павла I, для воспитания девочек-сирот из бедных дворянских семей. Покровителями института на протяжении почти ста лет были представители царствующего дома: Мария Федоровна (1797—1828); Николай I (1828—1829); великая княгиня Елена Павловна (1829—1873), принцесса Вюртембергская, жена Михаила Павловича, младшего сына Павла I; великая княгиня Екатерина Михайловна (1873—1894), дочь Елены Павловны. После кончины Екатерины Михайловны институт был передан в ведомство канцелярии по учреждениям императрицы Марии. Л. Н. Модзалевский в

1864—1866 гг. работал в Марининском институте учителем русского языка и словесности. В дальнейшем судьба еще раз свела его с этим учебным заведением. В 1889 г., после возвращения из Тифлиса в Петербург, он был назначен инспектором Марининского института. При Л. Н. Модзалевском были пересмотрены в соответствии с новейшими методиками программы по преподаванию русского языка и словесности, иностранных языков и естествознания. Им была задумана организация специальных педагогических классов, к сожалению, не осуществленная, вследствие смерти великой княгини Екатерины Михайловны, поддерживавшей эту идею. По его инициативе было начато собрание материалов по истории Марининского института, впоследствии опубликованных в книге Н. С. Карцова. См.: *Карцов Н. С. Марининский институт (1797—1897). Исторический очерк.* СПб., 1897. С. 131—136.

²⁴ В 1865 г. при 2-ой Петербургской военной гимназии в рамках реорганизации кадетских корпусов в военные гимназии были открыты двухгодичные педагогические курсы для учителей, сыгравшие большую роль в развитии педагогического дела в России. В «Очерках истории школы и педагогической мысли народов СССР» этим курсам дается следующая оценка: «Одним из важнейших факторов, обеспечивавших успех деятельности курсов, был состав преподавателей. Здесь работали такие выдающиеся педагоги — последователи Ушинского, как Л. Н. Модзалевский, Д. Д. Семенов, В. А. Евтушевский, Н. Х. Вессель, И. Ф. Рашевский, К. К. Сент-Илер» (см.: *Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР: Вторая половина XIX в. М., 1976. С. 205*). В подготовке учителей для военных гимназий курсы делали особый акцент на преподавании русского языка и словесности, подчеркивая нравственное значение родного языка в воспитании детей. На курсах Л. Н. Модзалевский впервые смог накопленные педагогические знания донести не только до учеников, но и до учителей: он читал курс по педагогике. Введение подобного курса во многом было новаторством в педагогическом деле России. Подробнее о курсах см.: *Сент-Илер К. К. Педагогические курсы при 2-й Петербургской гимназии // Педагогический сборник, издаваемый при Главном управлении военно-учебных заведений. 1871. № 1. С. 15—35; № 2. С. 152—172.*

²⁵ Осенью 1864 г. Л. Н. Модзалевскому было поручено организовать при Андреевском училище педагогические курсы для подготовки учителей начальных классов. См.: *Модзалевский Л. Н. Из педагогической автобиографии // Русская школа. 1897. № 4. С. 43.*

²⁶ 23 апреля — день почитания св. царицы Александры, именины матери Б. Л. Модзалевского, Александры Ивановны, и его старшей дочери (род. 27 июля 1899 г.).

²⁷ Сыном-первенцем в семье Б. Л. Модзалевского был Лев Борисович (1902—1948), будущий литературовед, пушкинист.

Письмо 2

15 (28) мая 1904 г. Афон

Вот, дорогой Борис Львович, посылаю тебе несколько воспоминаний о папе, припомню что-нибудь и еще, но все эти воспоминания идут только до его свадьбы, т(о) е(сть) до 17 августа 1866 г., а там уже все подробности спрашивай у мамы,¹ я же только кое-что могу сообщить в прибавку, напр(имер), во время пребывания папы в деревне без мамы или или (так! — *Т. И.*) во время тяжелой болезни мамы в Тифлисе, ибо после женитьбы, прожив 10 месяцев в Петербуге, он уже уехал на Кавказ,² а когда оттуда возвратился, то тогда я переехал во Гдов и, пробив там 2 года с небольшим, удалился сюда на Афон.³

Благодарю тебя за приглашение побывать, но трудно это осуществимо. Ибо пока жив был папа, он мог это устроить чрез Синод, впрочем все может быть, определить будущее нельзя, мы живем в стране политических и внутренних переворотов и нам всегда может

угрожать опасность. Пребывание на Афоне много имеет выгод, но есть и невыгоды, как и нигде нет совершенства. Быть может, еще и в российском монастыре придется искать места. Пока, конечно, вот уже 19 лет идет все благополучно, но могут быть всякие случаи, а если и приеду, то извещу.

Пожалуйста, Борис Львович, не забудь, о чем я обращался к тебе в прошлом письме. Пришли на мое имя 10 рублей, или хотя и 8 руб(лей) и пошли на 1/2 г. газетку «Свет». Адрес такой: Абхазия, Новый Афон, Кутаисской губерн(ии). Монаху о. Иеремии.

Прошу передать мой поклон маме, Людмиле⁴ и Тамаре,⁵ а также и в Гарях, кто спросит. За сим, при желании тебе всякого благополучия, а также жене твоим и деткам, пребываю

И(еромонах) Анастасий.

NB. Сегодня узнал, хотя еще и недостоверно, что бывший помощник мой о. Иеремия, которому я прошу высылать с 1-го июля сего 1904 г. газету «Свет», с Нового Афона уехал, посему газету посылать погоди, я скажу, когда нужно будет.

15 мая 1904.

На письме в пробеле перед NB имеется карандашная приписка корреспондента: «Воспоминания о папе буду постепенно сообщать, остается еще кое-что сообщить».

На конверте тот же адрес. Помета: «Заказное».

Почтовый штампель: «Афон, 16 мая 1904».

¹ 17 августа 1866 г. Л. Н. Модзалевский женился на Александре Ивановне Константинович (1848—1920), выпускнице Мариинского института (см. списки выпускниц 1866 г.: Карцов Н. С. Мариинский институт (1797—1897). Исторический очерк. СПб., 1897. С. 46 (2-я пагинация)). Александра Ивановна происходила из семьи морского офицера Ивана Петровича Константиновича (1818—1877), дослужившегося до чина капитана первого ранга. Прадед И. П. Константиновича, грек из г. Трикала Анастасий Константинович, в первой половине XVIII в. переехал в Россию и служил в Переяславском полку. Военными были и все его потомки. См.: Модзалевский В. Л. Малороссийский родословник. Киев, 1910. Т. 2. С. 427—436. Своей жене уже в зрелом возрасте Л. Н. Модзалевский посвятил одно из стихотворений (см.: Семенов Д. Д. Влияние школы и среды на развитие природного таланта. С. 188).

² Еще в 1866 г. Л. Н. Модзалевский был приглашен занять место наставника-наблюдателя при детях великого князя Михаила Николаевича (1832—1909), младшего сына Николая I. Михаил Николаевич был Кавказским наместником и жил в Тифлисе, куда и должен был переехать Л. Н. Модзалевский. Закончив учебный 1866/1867 год, летом Л. Н. Модзалевский вместе с молодой женой уехал на Кавказ, где пробыл до 1883 г.

³ Как следует из второго приложения к данному письму, А. Н. Модзалевский ушел на Афон 29 мая 1885 г.

⁴ Модзалевская Людмила Львовна (1872—?..) — сестра Л. Н. и А. Н. Модзалевских. Окончила Мариинский институт.

⁵ Модзалевская Тамара Львовна (1884—?..) — сестра Л. Н. и А. Н. Модзалевских. Окончила Мариинский институт.

Первое приложение к письму 2

Вот некоторые сведения о вашем папе.

Я помню вашего папу, начиная со дней его юности. Когда была Турецкая кампания, кажется, 1854 г., тогда папа хотел вступить в военную службу и уже выучился ружейным приемам и просил благословения на то у своих родителей, доказывая необходимость защиты отечества для каждого, а родители слезно плакали, но потом заключен был мир и все миновалось.¹

Папа поступил в Университет.² Он был юноша пылкий, красив собою и строен, весел, обладал приятным голосом и поэтому, как приятный собеседник, добрый товарищ, хороший делец и ловкий и видный кавалер, он везде бывал душою общества.³

Относительно родителей он всегда был любящий и почтительный сын. В детстве в Петербурге был он в суровой школе, живя в Петербурге у дяди своего Василия Кузьмича Кудряева, а потому до женитьбы и у него иногда проглядывала жестокость и властолюбие. Это я очень хорошо помню, когда он занимался воспитанием моим и брата Константина,⁴ а особенно Константина; родители наши всегда ставили его нам в пример, указывая на него как на брата старшего и как на отца, и потому предоставляли ему полную свободу, я помню, как он подолгу не только долго бранил брата Константина, но бил его оплеухами, толчками, пинками и делал прочие наказания. Конечно, все это было за некоторые шалости или за неисправность в уроках, но так как ведь все-таки был не отец и иногда не укрощал свой гнев, то у брата явилось к нему полное охлаждение, на что папа ваш иногда и обижался. Но был причиной тому сам. Да, много значит, кто в детстве к себе привяжет и кто оттолкнет, после что был он ни делал, уже искреннее расположение приобрести трудно.

Я помню у нас в деревне был взят Константин Иван Индрик, или Ванька попросту, он крал в саду хорошие яблоки, но папа всегда подозревал меня, не верил оправданиям и наказывал меня, а в Петербурге наказывал меня за своего лакея поляка Лаврентия. Конечно, сказать правду, бывал я иногда и виноват, но тем не менее, хотя он много имел обо мне попечения, делал иногда и удовольствия, делал и расходы, находясь и сам при скудных средствах и живя уроками, платил за меня в школу и в гимназию, когда я был приходящим учеником, одним словом, много прилагал заботы, но тем не менее я все-таки не имел к нему искреннего расположения и вот только когда побывал я на Кавказе и когда он явился ко мне в отношениях как истинный брат, тогда уже явилось у меня расположение.

Занимаясь еще в университете педагогикой и увлекаясь, он многим, а особенно родителям и родным, навязывал педагогические правила. В бытность его студентом, к нему очень шла прежняя форма с голубым воротником и шляпою пирогом и потому он всегда царствовал в дамском обществе, где всегда он был ловок и развязен, а так как я от природы всегда был застенчив и молчалив, то этой

развязности требовал он и от меня и иногда даже за неисполнение слегка наказывал, а мне трудно было проявлять то, чего у меня нет.

Почти все товарищи и знакомые его всегда любили, и не только знакомые, но и при крепостном праве крестьяне, ибо он с ними прост был в обращении, а иногда чем-нибудь и одаривал. Когда по окончании курса в университете он взял меня из деревни в Петербург, то в это время были уже у него знакомые хорошие семейства, куда он возил и меня. Таким особенно уважаемым семейством было семейство директора 1-го кадетского корпуса Эллиота. Это семейство было большое при мне (1858 г.), оно состояло из отца, матери, двух мальчиков-сыновей, учившихся там же в корпусе, и 5 барышень дочерей. Помню, что ни шума, ни танцев у них не было, но зато у них в большом зале и даже днем без костюмов и декораций разыгрывались комедии Гоголя «Ревизор» и «Женитьба». Конечно, участвовал и папа, и помню, что он играл роли Жевакина и Хлестакова и очень хорошо помню разыгравшийся там трагический роман.

Младшая дочь Эллиота Елена была красивее прочих старших своих сестер, в нее одновременно были влюблены папа и один в то время милый человек Распопов, что и выражали ей, она же вполне сочувствовала к папе, а Распопов ей не нравился, и вот между ними началась проявляться неприязнь, ревность, а особенно это вспыхнуло, когда однажды Распопов в присутствии папы сказал этой барышне какую-то колкость. Я тогда там у них не был, но живо помню, что ночью папа приехал в страшной нервной лихорадке, его успокаивали товарищи, а он все вспоминал с сожалением эту барышню и грозил мщением своему сопернику, всю ночь он не спал. Утром пригласили товарищи его (два брата Пятковские Александр и Павел Петровичи) доктора. Тот прописал какие-то успокоительные капли, потом все уехали и вскоре папа возвратился с парюю пистолетов, из которых с теми же угрозами при тех же товарищах делал прицелы и из этого я, хотя и мальчик был ничего не видевший, но уже слышал рассказы о дуэлях, понял, что папа идет с соперником стреляться, следовательно дело идет о жизни и смерти, и потому и я тоже испугался.

Папа часто бывал без гроша, даже и тогда, когда уже значительно зарабатывал. Была в то время у молодых людей некая благотельница Мария Кузьминишна Шитикова, которая их, а в том числе и папу, в трудное время за умеренные проценты снабжала деньгами, а так как, я после я (так! — Т. И.) узнал, что у папы не достало денег на порох, то он и отправился к ней за займом. Та, видя его такого расстроенного и в крайне возбужденном состоянии и узнав от него в чем дело, представила всю ему несообразность такого поступка, а особенно после этого скорбь для родителей, и так отклонила его от подобного начинания. После того папа п(оло)жил себе завет не бывать более в этом семействе, что и исполнял.⁵

В 1860 году он учил уже в Смольном институте на Николаевском отделении.⁶ Девуцы там его боготворили, учителя любили и начальница Леонтьева уважала. В августе 1861 г. он уже много имел уроков, меня определил в гимназию, нанял семейную квартиру и привез из деревни нашу мать. Жили мы тогда угол Знаменской и Манежного переуллка, в доме Алонкиной.

В июне следующего года папа в числе прочих молодых людей был на казенный счет послан за границу для подготовки себя на кафедру педагогики и слушал в течение двух лет лекции в Гейдельберге и Иене. Там он хорошо ознакомился с бытом германских студентов и по возвращении привез целый альбом сцен из этой жизни и написал книгу под заглавием «Быт студентов в Германии» с рисунками.

Когда он уезжал и покидал институт, то помню, что девицы, прощаясь с ним, надавали много ему на память мячиков, фотографических карточек и 2 из них (Симановская и Бабановская) нарисовали большие картины акварелью. Так как эта поездка его была неожиданна, родители все-таки были в прискорбии, то помню, что крестьяне-соседи сочинили такую историю — будто бы он обучал царских детей, какому-то очень важному начальнику нагрубил и за это сослан, и бабы выражали об этом открыто моей матери сочувствие.

Через 2 года он возвратился и уже с трудом достал новые места для преподавания. Пробыв осень и зиму в Петербурге, он на 3 летние месяца отправился опять для дополнения своего специального образования. По возвращении второй раз из-за границы у него уже много было мест для занятий как в женских, так и в мужских учебных заведениях, также и частных уроков, между прочим и принца Лейхтенбергского.⁷ Тут он много работал по предмету педагогики, часто ездил на вечерние заседания в Андреевское училище (Педагогические курсы), во 2-ю военную гимназию и другие места, возвращался поздно, а кроме того долго сидел за составлением сочинения «Очерк воспитания и обучения»,⁸ также много писал статей в «Журнал министерства народного просвещения», в «Педагогический вестник» и в газету «Голос»,⁹ так что у него весьма развился геморрой.

Между прочим, он также учил в Мариинском женском институте, где познакомился с девицей Александрой Иванов(ной) Константинович, на которой 17 августа 1877 г.¹⁰ и женился (а далее все знакомо и известно маме более, чем кому-либо).

Написано карандашом.

¹ Речь идет о Крымской войне 1853—1856 гг. В 1854/1855 гг. в выпускном классе 3-й гимназии, где учился Л. Н. Модзалевский, были организованы уроки военных упражнений. Л. Н. Модзалевский в своей автобиографии писал: «...все мы увлеклись уроками обучающего нас полковника и величием воинского призвания, а солдаты, занимавшиеся нашим военным образованием, стали лучшими друзьями многих из нас. Я гордился званием фельдфебеля, полученным мною в гимназии, и так усердно изучал воинский устав, что на классы смотрел как на дело второстепенное, стал презирать и тригонометрию, и Тацита, и Гомера, и все учебные книги. «К чему мне греческий язык, мне, офицеру через 3 месяца по выпуске из гимназии, и к чему медаль за прилежание и успехи, когда я в первом же сражении буду иметь Георгия за храбрость?»» (см.: *Модзалевский Л. Н.* Из педагогической автобиографии // *Русская школа.* 1897. № 3. С. 21).

² Л. Н. Модзалевский учился на филологическом факультете Петербургского университета в 1855—1859 гг.

³ Популярность Л. Н. Модзалевского в обществе подтверждают и воспоминания Е. Н. Водозовой. Рисуя вечеринку 1862 г. демократически настроенной молодежи, Е. Н. Водозова пишет: «Был третий час ночи. Зазвонил колокольчик, и явился Лев Николаевич Модзалевский, красивый, высокий молодой человек. Он заявил, что проходя мимо дома, увидел свет в окнах „сестер“, вспомнил, что у них „фикс“, и, уверен-

ный в том, что гости еще не разошлись, решил забежать на часок. Ответом ему был общий крик: „Мазурка, мазурка!“ Модзалевский считался не только ловким танцором, но и искусным дирижером танцев. Присутствующие бросились выносить из столовой последние стулья. И вот понеслись звуки энергичной, бравурной музыки Глинки, которую играли на фортепьяно в четыре руки под аккомпанемент голосов всех присутствующих.

Трудно представить себе, до чего разнообразны были фигуры мазурки, дирижируемой Модзалевским. Она перемежалась всевозможными танцами с самыми фантастическими комбинациями: то танцующие пары пролетали по всем комнатам, то держались за руку один за другим, то шли угрожающе стеною друг против друга. В одной группе в комическом виде воспроизводили все фазы ухаживания: преследование, ревность, муки сердца, отчаяние, коленопреклоненные мольбы и достижение цели, то есть похищение. В другой группе представляли отживших стариков: мужчины выступали сгорбившись, старческой походкой, а молодые женщины с половыми цветками и швабрами заматали их следы (...) Грохот, топот, смех стоном стояли в воздухе, потрясая стены, а более всего пол. Жилочки нижнего этажа, две портнйки, прибежали просить „господ“ танцевать потише, чтобы не мешать им спать, но засмотрелись на танцующих, а через несколько минут их розовые ситцевые платица, как и платье кухарки Дуняши, уже мелькали в водовороте кипучего веселья» (см.: *Водовозова Е. Н.* На заре жизни. Мемуарные очерки и портреты / Подгот. текста и примеч. Э. С. Виленской и Л. И. Ройтберг. М., 1964. Т. 2. С. 81—82).

⁴ *Модзалевский Константин Николаевич* (1844—1917) — дядя Б. Л. Модзалевского. Автор трудов по педагогическим вопросам; в 1882—1888 гг. — редактор-издатель журнала «Семья и школа». Список трудов К. Н. Модзалевского см.: *Венгеров С. А.* Источники словаря русских писателей. Пг., 1917. Т. 4. С. 389—390. В 1865—1870 гг. он жил за границей, посещая одно время в Иене лекции известного педагога профессора Ф. Стоя, с которым был знаком и Л. Н. Модзалевский. В Германии К. Н. Модзалевский познакомился с И. С. Тургеневым, краткие воспоминания о котором написал позднее по просьбе Б. Л. Модзалевского (см.: Воспоминания К. Н. Модзалевского о встречах с И. С. Тургеневым // Сообщил Л. Б. Модзалевский // И. С. Тургенев: Материалы и исследования. Орел, 1940. С. 49—51). В 1870 г. К. Н. Модзалевский вернулся в Петербург, где по рекомендательному письму Н. Н. Миклухо-Маклая, с которым он познакомился также за границей, получил в Русском географическом обществе место секретаря в Отделении статистики. Вместе с А. А. Мещерским К. Н. Модзалевский издал «Свод материалов по кустарной промышленности в России» (СПб., 1874). В Петербурге К. Н. Модзалевский нередко испытывал материальные затруднения, что и явилось поводом для его знакомства с Н. А. Некрасовым. По поручению Литературного фонда, помогавшего нуждающимся литераторам, Н. А. Некрасов 16 февраля 1876 г. навестил тогда болевшего К. Н. Модзалевского. Ходатайствуя о выделении К. Н. Модзалевскому материальной помощи, Н. А. Некрасов писал в Литературный фонд: «Это очень симпатичный молодой человек. Живет в 5-м этаже большого дома на Сенной, в двух комнатах, в которых много книг и мало мебели. Существует исключительно литературой (труды его означены в прошении), не получаая нигде ни жалованья, ни какой-либо субсидии» (см.: *Некрасов Н. А.* Полн. собр. соч. и писем. М., 1952. Т. 11: Письма. С. 387—388).

То, что в юности отношения между Константином Николаевичем и старшим братом не складывались, подтверждает и сам Л. Н. Модзалевский. В своей автобиографии он по этому поводу замечает следующее: «Родители прислали мне под руководство второго моего брата, Константина, и я, сам почти еще мальчик, должен был заняться его воспитанием, ответственность за которое лежала на моей совести. Воспитание брата, уже гимназиста, не могло идти хорошо: я не мог создать нужной для него обстановки, и жизнь среди моих университетских товарищей, отвергавших самые коренные начала воспитания, дурно отзывалась на нем: мальчик рано стал резонерствовать, много читал и вообще развивался не по летам. Я боролся против этого, страдал, но изменить не мог, не имея достаточной силы овладеть обстоятельствами, враждебными воспитанию брата» (см.: *Модзалевский Л. Н.* Из педагогической автобиографии // Русская школа. 1897. № 3. С. 27). Свою педагогическую неудачу в случае с братом Л. Н. Модзалевский, по-видимому, видел в том, что Константин Николаевич, учившийся в 3-ей Петербургской гимназии, вышел из нее, не закончив курса. К. Н. Модзалевский не имел также университетского образования. О К. Н. Модзалевском см. также: *Модзалевский В. Л.* Малороссийский родословник. Киев, 1912. Т. 3. С. 812—813.

⁵ В записной книжке Б. Л. Модзалевского, содержащей его записи по семейной хронике, приводится эпиграмма, написанная П. Н. Распоповым на Л. Н. Модзалевского, которая и послужила причиной дуэли:

У Лёши зренье очень тупо,
Стекло ему уж не поможет, —
И что умно или что глупо,
Он различать уже не может.

В фонде Модзалевских находятся также письма П. Н. Распопова к Л. Н. Модзалевскому (1855—1890 гг.). Как следует из одного из них, история с соперничеством молодых людей из-за Елены Эллиот произошла в первой половине 1860 г. Дуэль не состоялась, по-видимому, из-за болезни П. Н. Распопова, случившейся как раз в это время. Тем не менее 20 октября 1860 г., выздоровев, П. Н. Распопов счел долгом чести подтвердить свою готовность драться, в связи с чем писал Л. Н. Модзалевскому: «Милостивый государь Лев Николаевич. Спешу уведомить Вас, что оправившись от болезни, я готов в настоящее время принять сделанный мне Вами подгода тому назад вызов. Об условиях нашего свиданья Вы можете переговорить с моими секундантами: А. С. Миролобовым и П. П. Пятковским. Готовый к услугам Вашим Павел Распопов. P. S. Я готов драться на всяком оружии, только не на седельных пистолетах». После преддуэльной истории отношения между Л. Н. Модзалевским и П. Н. Распоповым на некоторое время были прерваны. Возобновились они только в 1870 г. по инициативе П. Н. Распопова, который первым написал своему бывшему университетскому товарищу из Оренбурга, где он в это время жил.

⁶ Смольный институт состоял из двух учебных заведений: Воспитательного общества благородных девиц (Николаевской половины) и Александровского училища (Александровской половины). На Николаевскую половину принимали девушек из потомственных дворянских семей и дочерей лиц, имевших чин не ниже полковника или статского советника. Александровская половина предназначалась для дочерей дворян, внесенных в третью часть дворянской книги (то есть лиц, получивших дворянство по службе), а также для детей лиц с чином от штабс-капитана или титулярного советника до чина полковника или коллежского советника. Иеромонах Анастасий ошибся в дате зачисления Л. Н. Модзалевского учителем в Смольный институт: это произошло не в 1860, а в 1861 г.

⁷ Вероятно, речь идет о младших детях великой княгини Марии Николаевны (1819—1876), дочери Николая I, и принца Максимилиана Лейхтенбергского (1817—1852).

⁸ См.: *Модзалевский Л. Н. Очерк истории воспитания и обучения с древнейших до наших времен. Для педагогов и родителей (По Шмитдту, Рауменру и др.)*. СПб., 1866—1867. Вып. 1—3.

⁹ Полную библиографию трудов Л. Н. Модзалевского см.: *Модзалевский Л. Н. Из педагогической автобиографии // Русская школа. 1897. № 4. С. 38—61.*

¹⁰ Явная описка иеромонаха Анастасия: бракосочетание Л. Н. Модзалевского и А. И. Константинович состоялось 17 августа 1866 г.

Второе приложение к письму 2

Покойный папа ваш в обхождении с крестьянами был прост, всегда подавал руку, сажал рядом с собою, но сам на их собрания не ходил. Прислуге он давал всегда подачку, ибо когда он сам жил в большой строгости у покойного дяди Василия Кузьмича Кудряева, то его берегла и прикрывала прислуга и эта признательность к нему привилась. В Озере жил старик Осип, повар, к которому он был очень расположен и посещал его, и еще крестьянин Федр: они тоже приберегали папу, когда он был еще мальчиком. Когда уже взрослым приезжал домой, он обдаривал всех и потому его боготворили, но когда приехал в Гари уже как владелец, стал другим.

Относительно религии и богопочитания папа, хотя и был религиозен, но в своем роде: в городе он, кроме как по официальной

обязанности, в церковь не ходил, обрядностей мало признавал. Духовенство всегда ругал, а последнее время в Тифлисе он заразился молоканством,¹ всегда защищал их, говорил, что у них правильная вера, и иногда говаривал, что и сам едва ли устоит от присоединения к ним, а все основываясь на их внешнем благоустройстве; пред моим отъездом он защищал вероисповедание лютеранское как самое чистое. Праздники признавал только — воскресные дни и господские, святых не признавал, чудотворных икон и св. мощей тоже, и когда я послал ему книгу о чудесах св. в(елико)м(ученика) Пантелеймона, где вначале описывается, как он наказал одного монаха, желавшего покинуть с(вятую) обитель, то папа назвал его, то есть великомученика, в письме ко мне извергом. Служение молебнов и панихид он считал поповским промыслом, а мое удаление в монастырь сумасбродною идеею, хотя и говорил, что я могу быть лучше других монахов, и предсказывал, что я скоро возвращусь и потому и уговорил меня оставить за собою этот кусочек в Любовиже, хотя, правда, это и кстати. На о. Иоанна Кронштадтского² он смотрел тоже как на промышленника, только очень ловкого. Св(ятые) иконы ценил только как благословение родительское.

Однажды ехал я с ним (в 1885 г.) на почтовых к Платону Стефановичу и он начал со мною разговоры и споры о подобных своих воззрениях, так после ямщик говорил мне, что он ужасался от таких речей генерала. Но вот я 29 мая 1885 г. я (так! — Т. И.) уехал. Както холодно простились со мною и Гуки, и Вельяшевы,³ и вы все, только узминские, то есть двое Свенске⁴ и мальчишки Парлёрн, сочувствовали мне, да Канивецкие, проводившие меня до Зарябинки.

Вот прошли годы и я уже был пострижен в монашество. Тут папа уже начал изменять свое мнение (а в России по 10 лет и более живут послушниками). Прошло еще 2 г(ода) и я уже был сделан управляющим настоящим весьма важным отделом (послушанием). Прошло еще 2 года и я уже был рукоположен дьяконом, тогда папа уже совершенно изменил свои взгляды, просил у меня за прошлое прощения, признал мое призвание, а св(ятого) великомученика не только признавал за великого святого, но еще заходил на Ново-Афонское подворье,⁵ служил там молебны, чтил его иконы и посылаемые мною изображения на шелку прикладывал к своим и чужим (в училище Глухонемых⁶) к больным детям, больным детям (так! — Т. И.). Ездить стал и по искреннему желанию в Творожково⁷ и в Петербурге в Александро-Невскую лавру, и не стал ругать духовенство. Не зная нашего покойного игумена о. Андрея, он заочно его уважал, монахами не пренебрегал и все звал меня приехать и обещал устроить игуменом в один миссионерский монастырь, и тем более, что по расположению ко мне нашего покойного казначея я 5 1/2 лет пробыл дьяконом. Производство мое в иеромонахи (14 апреля 1896 г.) было незадолго до его смерти. Узнав от бывшего нашего миссионера о. Арсения, что у нас после смерти покойного игумена о. Макария⁸ порядки изменились, он еще более звал меня и даже просил только выразить согласие, принимая хлопоты на себя и это было бы так (весною в 1895 г.), если бы не случилось некое чудо (до следующего раза).

Продолжение.

Я уже писал, что у папы иногда была некоторая жестокость, я полагаю, что это было частью потому, что покойный отец наш был иногда суров, ибо сам прошел суровую школу, начав, по неимению документов о дворянстве, службу с рядового, хотя он и любил нас, но иногда был и крут, а главное, где папа жил и ходил в пансион, у дяди нашего Василия Кузьмича Кудряева, было тоже ему тяжело. Покойный дядя вздыхал с него за всякую мелочь.

Как я писал, что папа много повозился с покойным Виктором Александров(ичем) Максимовым во время его умопомешательства. Умопомешательство это случилось, как объявляли, или от чрезмерного у него занятия восточными языками, или оттого, что давая уроки в семейном доме некоторых по фамилии Колычевых, он влюбился безнадежно в жену его, но как бы то ни было и пошел он говорить чушь, что будто друзья все есть его подданные крестьяне, что он может Богу советы давать и проч., а однажды даже хотел зарезать бритвою. Жил он одиноко, смотреть за ним было некому, а потому папа взял его к себе, тогда (1862 г.) была у папы квартира из 3-х комнат, передней и кухни. Папа даже уступил ему свой кабинет и вот начал он (то есть больной) писать роман «Мертвые люди». Брат его из Москвы, не помню, лично доставил или прислал деньги, но Максимов употребил почти все на бумагу и чернила, привез несколько стоп, сел писать и писал всю ночь (это в январе и феврале, значит ночи еще большие), а потом прочитывал, все разрывал и бросал под стол в корзину. Папа после говорил, что много было написано чепухи, но много и блестящего. Иногда, имея хороший аппетит, он изрядно уписывал кушанье со стола, приговаривая: вот я ем и не спрашиваю и не благодарю. Но ему не противоречили. Но все-таки ему стало лучше, он опять перешел от папы, а папа весною в конце мая с некоторыми отправился на казенный счет в Германию для специального изучения педагогики на 2 года и должен был после получить место профессора.

Там за границей папа изучил во всех подробностях жизнь немецкого студенчества в г. Иене и Гейдельберге и после 2-го возвращения (ибо ездил опять на 3 месяца) издал книжку с рисунками «Жизнь студентов в Германии»,⁹ издание это расходилось что-то не шибко.

Я уже писал, что еще будучи в университете, начал он заниматься педагогикой, и давая уроки, он всюду и всем совался со своими советами, это можно видеть из его писем к родителям, где он делает относительно меня разные указания. Конечно, в педагогике он выдвинулся из среды многих, занимал важные места, насколько он имел успехи и располагал к себе — не знаю, но только относительно меня, Кости и Нюты, а также и Сережи Кудряева¹⁰ он действовал или корыстным поощрением или наказанием, но не мог подчинить влиянию, что для педагога тоже важно и для отца, — когда стараются его слушать и угодить ему не по страху наказания и не ради получения награды, а чисто из расположения и любви к нему.

Вот таким образом у нас в гимназии был покойный (ты о нем конечно знаешь) Владимир Иванович Стоюнин.¹¹ Он никогда не ставил в журнале и даже у себя никаких отметок и тем более дурных, никогда никаких жалоб директору или инспектору не заявлял, и его так уважали, что ему все и всегда из какого-то инстинктивного ува-

жения к нему все приготавливали уроки и писали сочинения, каждый по мере сил. Были учителя строгие, которые и дурные отметки выставляли, и записывали в отделы для наказания — и все-таки многие им уроки не приготавливали и говорили дерзости и иногда чем строже они поступали, тем хуже было успехов и больше дерзостей, иногда наказания не исправляли, а только озлобляли.

И так опять повторяю, что покойный папа как для Кости, так и для меня много иногда делал добра и трат и расхода, и несмотря на все это, не мог расположить к себе, хотя Костю и часто упрекал в чувстве бессовестности и неблагодарности; обращение его с нами я уже описывал. Относительно воспитания Нюты Сергеевой он после смерти покойной сестры тоже было пустился с педагогическими наставлениями отцу ее покойному Михаилу Лаврентьевичу Сергееву и между прочим зашел даже далеко, выразившись однажды, что теперь сирота зачахнет и заглохнет (это у нежно-то любящего отца и при пребывании там не менее любящей ее бабушки, то есть моей матери, которая 2 года сряду жила ради ее в Пскове). После мне как-то попало письмо ответное покойного М. Л. Сергеева папе, где делались веские возражения, где между прочим в заключение Сергеев папе писал, что если тот хочет с ним иметь переписку и знакомство, то подобных бы писем ему бы более не писал. Это читал я сам.

К дамскому полу покойный папа был очень уважителен и услужлив и каждой мог сказать комплимент и вообще увлекал скоро. Старушек умел заинтересовать, барышень занять, посмешить и завлечь, влюбленных в него была не одна, а в Смольном институте целые классы. Сам же папа не очень-то увлекался, кроме, как это уже в мое пребывание в Петербурге, я помню увлечение его барышнею младшею Еленою Эллиот, роман этот я тебе уже описывал. Быть может, были и другие более легкие, но они были незаметны, а уж сколько подходило к нему свах и сколько сватали, но он все отшучивался.

Во время пребывания его за границею по зиме одна барышня, гостившая в Белонске (?) у Жариновых,¹² по фамилии Фрей (а наверное фамилию-то не знаю, а знаю, что мать ее Анна Карловна была адорская помещица) и по нации немка заочно по карточке влюбилась в него, а так как Жаринов покойный начал, конечно шутя, ее еще и сватать, да и моя мать тоже поддакивать, то она еще и более увлеклась; выходить замуж готова была с радостью, и нашу мать уже стала считать будущею свекровию, и каково же было ее огорчение, когда наконец надобно же было объяснить ей серьезно, что подобному счастью состояться не суждено и что Лев Николаев(ич), будто не успев узнать о настоящем случае, нашел себе уже другую невесту.

Говорила мне покойная мать, что и Екатерина Ильинишна Свенске, оставшись после мужа еще молодою вдовою и притом будучи еще и недурна собою, очень бы не прочь была пойти за него, очень будто с матерью ее Марией Михайловною даже и намеки делали, расчет был полный и моральный и материальный.

По обычаю того время (так! — Т. И.) дамам вообще, хотя и барышням, целовали руку, и папа это соблюдал строго, хотел приучить к тому и меня, но ко мне это не привилось и вот по какому

однажды одному смешному случаю. Как я писал, что когда я приехал в Петербург, а это было в 1858 г., папа жил в товариществе с Пл(атоном) Конст(антиновичем) Стефановичем, Брагиным и Турминским холостой квартирою. Вот представили меня Кудряевым, там конечно я Клав(дии) Феокт(истовне)¹³ и всем прочим должен был подойти к ручке, ну это было по порядку, потом повел меня и всех в кухмистерскую, где всегда обедали, к некоей немке Анне Карловне Фрей, вот и меня он взял, там вышла из комнаты прилично одетая горничная и поклонилась. Папа был в другой комнате, она слегка поклонилась, я подскочил к ней и поцеловал руку, она вскрикнула и убежала. Когда я после это папе объяснил, сказав, что не могу отличить, кто горничная, а кто барышня, то уж папа отменил мне это правило, а уже тогда стало в моду входить рукопожатие, так это мне и не привилось.

Относительно кое-каких скромных разговорах (так! — Т. И.) в мужской компании я тоже папу почти никогда не видел участвующим. Когда он приезжал в деревню, то любил одаривать прислугу, и его всегда ублажали, вообще он с ними был очень щедр, и только когда пошли дети год от году, стал рассчитывать и потом совершенно изменился; прислуга у него преспокойно вынимала мелочь из карманов, сдачу полученную он не считал, а по долговым книжкам разносчики-фруктовщики, в булочных и лавках приписывали, не стеснясь.

Написано карандашом.

¹ Молоканство — религиозная секта, отпочковавшаяся во второй половине XVIII в. от секты духоборцев. Название секты утвердилось в 1765 г. в документах Тамбовской консистории, которая занималась делом крестьянина Семена Уклена, основавшего секту. Наименование ее связано с тем, что сторонники нового вероучения допускали употребление молока во время постов. Одним из центров молоканства стали русские поселения на Кавказе. В списке трудов Л. Н. Модзалевского есть газетная статья о молоканах. См.: *Модзалевский Л. Н. Об открытии молоканского училища // Кавказ. 1880. № 244.*

² *Иоанн Кронштадтский (Сергеев Иоанн Ильич)* (1829—1908) — проповедник, духовный писатель, священник, а затем протоиерей Андреевского собора в Кронштадте, член Синода (с 1907 г.). Поучения Иоанна Кронштадтского огромными тиражами расходились по всей России. Большую популярность имел дневник Иоанна Кронштадтского, печатавшийся под названием «Моя жизнь во Христе» (СПб., 1893—1894. Вып. 1—12). С 1880-х гг. Иоанн Кронштадтский прославился в самых широких кругах русского общества как проповедник и чудотворец. Однако, наряду с представлением о нем как о носителе русской святости, в обществе упорно ходили слухи о денежных махинациях, связанных с его именем, и о «фабрике чудес», устраиваемой его помощниками. См.: *Чапцев А. В. Иоанн Кронштадтский // Русские писатели. 1800—1917. Биогр. словарь. М., 1992. Т. 2. С. 420.*

³ *Вельяшевы* — родственники Модзалевских, соседи по Гдовскому уезду. Урожденной Вельяшевой была бабушка Л. Н. и А. Н. Модзалевских по линии матери — Наталья Артемьевна, в замужестве Кудряева. В фонде Модзалевских находятся письма ряда Вельяшевых: Аркадия Львовича, Евгения Львовича, Николая Александровича, Ольги Владимировны.

⁴ *Свенске* — соседи Модзалевских по Гдовскому уезду. В фонде Модзалевских находятся письма 1863—1883 гг. Екатерины Ильиничны Свенске, имя которой упомянуто далее в воспоминаниях А. Н. Модзалевского.

⁵ Имеется в виду петербургское подворье Ново-Афонского Симоно-Кананитского мужского монастыря Сухумской епархии с церковью Божьей Матери Иверской. Подворье находилось на углу Забалканского проспекта и 2-й роты Измайловского полка.

⁶ Петербургское училище глухонемых было открыто в 1806 г. под покровительством императрицы Марии Федоровны. Л. Н. Модзалевский стал директором училища

в 1895 г. При нем была продолжена реформа обучения глухонемых, начатая еще его предшественником В. О. Сиповским. Инициатором реформы был известный педагог А. Ф. Остроградский, который первый в России стал в массовом порядке применять вместо мимических устные методы обучения глухих (методы, основанные на считывании слов по артикуляции губ). См.: *Басова А. Г.* История обучения глухонемых. М., 1940. С. 83—87.

⁷ При сельце Творожке в Гдовском уезде на озере Высканде в 1865 г. была основана женская Троице-Творожковская община. В 1887 г. община возведена в степень монастыря. В 1890 г. здесь была похоронена четырехлетняя дочь Л. Н. Модзалевского Елена. См.: *Руммель В. В.* Модзалевские (Модзольские, Модзалевские). СПб., 1902. С. 25.

⁸ *Макарий (Сушкин Михаил Иванович)* (1821—1889) — архимандрит русского Пантелеймонова монастыря на Афоне. Родился в Туле в купеческой семье. В 1851 г. во время тяжелой болезни принял схиму в Пантелеймоновом монастыре. В 1868 г. был избран игуменом обители. Пожертвовав свое состояние, значительно поднял материальное положение монастыря и построил там несколько новых храмов. При Макарии соотношение числа насельников греков и русских изменилось в пользу последних. В энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона дается следующая характеристика архимандрита Макария: «... своим личным примером и духовными наставлениями сумел не только поддержать, но и усилить духовно-нравственное значение своего монастыря. Его имя — одно из самых популярных имен среди простых людей во всей России» (*Б-в Н.* Макарий (Сушкин) // Энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. СПб., 1896. Т. 18, кн. 35. С. 400). О Макарии см. также: *Красковский И. Ф.* Макарий Афонский, игумен и священно-архимандрит Афонского св. Пантелеймоновского монастыря. М., 1889; *Дмитриевский А.* Русские на Афоне: Очерк жизни и деятельности игумена русского Пантелеймоновского монастыря священно-архимандрита Макария (Сушкина). СПб., 1895.

⁹ Правильно: Быт студентов в Германии.

¹⁰ *Нюта* — дочь Екатерины Николаевны Модзалевской (1829—1856), в замужестве Сергеевой, сестры Л. Н. и А. Н. Модзалевских. *Сергея Кудряев* — сын Василия Кузьмича Кудряева.

¹¹ *Стоюнин Владимир Яковлевич* (1826—1888) — выдающийся педагог и методист-словесник. Автор трудов по истории русской педагогики и по методике преподавания русской литературы. В 1852—1871 гг. преподавал русский язык и словесность в 3-ей Петербургской гимназии. Отец Анастасий ошибся в отчестве Стоюнина.

¹² *Жариновы* — соседи Модзалевских по Гдовскому уезду. В фонде Модзалевских находится письмо И. Жаринова к Л. Н. Модзалевскому от 25 ноября 1891 г.

¹³ *Кудряева Клавдия Феоктистовна* — жена Василия Кузьмича Кудряева.